

Балтийского флота во главе с Владимиром Антоновым-Овсеенко был взят Зимний дворец и арестовано Временное правительство.

Итоги и последствия.

Октябрьская революция была закономерным этапом, подготовленным множеством предпосылок. Первая альтернатива – военная диктатура Корнилова была погублена Временным правительством, не желавшим допустить реставрацию монархии или правление одного лидера. Вторая альтернатива, представленная медленным демократическим развитием в рамках политики Временного правительства, была невозможна по причине невыполнения им важнейших требований и задач (выход из войны, выход из экономического и политического кризиса, решение земельного и продовольственного вопросов). Победе большевиков способствовали такие факторы, как умело налаженная агитация, проводимая ими политика по дискредитации Временного правительства, радикализация масс, возрастание авторитета большевиков, позволили им использовать наиболее благоприятную ситуацию для захвата власти. Основная масса населения поддержала новую власть, так как первыми шагами стало объявление о немедленной передаче земли в пользование крестьянам, о прекращении войны и созыве Учредительного собрания.

УДК 94(100) «1914/.19»

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. И ИХ ПРОЯВЛЕНИЕ В РЕВОЛЮЦИЯХ 17-ГО ГОДА

С. В. НИКИТЕНКО

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

7 ноября отметим очередную годовщину одного из самых значительных событий XX века. В Беларуси эта дата – по-прежнему красный день календаря, хотя отношение к Октябрьской революции в обществе неоднозначное.

После краха СССР получило широкое распространённое убеждение, что глобальный проигрыш советской системы был обусловлен внутренними изъянами социализма как идеологии и политико-экономической практики.

Ирония истории заключается в том, что революционная социалистическая доктрина скорее всего была изначально ориентирована на развитие индустриальные страны Запада, однако революция «выстрелила» в

одном из наиболее слабых звеньев капиталистической системы – России. Это противоречие хорошо понимали и ранние большевики, рассматривая Россию в качестве временного плацдарма для экспансии мировой революции [3].

Переход России в новую общественно-экономическую формацию – социализм – это единственная возможность для России избежать превращения в полуколониальную страну с полной зависимостью от европейского экономического «центра». Результаты реставрации капитализма в экономической и социальной сферах в конце XX в. после разрушения СССР убедительно подтверждают вывод, что насаждение капитализма в России – путь в колониальную зависимость.

Россия в конце XIX и начале XX века была именно страной *периферийного* капитализма. А внутри нее крестьянство было как бы «внутренней колонией» – периферийной сферой собственных капиталистических укладов [1].

Под предпосылками перехода в социалистическую формацию в марксистской теории конца XIX – начала XX вв. понимались, а затем превратились в догму, два основных условия: высокий уровень индустриальной экономики и наличие рабочего класса, составляющего большинство населения страны. Этим показателям соответствовали западноевропейское общество и США. Другие страны должны были «дорости» до такого состояния, прежде чем смогут «закономерно» подойти к социализму, в том числе и Россия. Крестьянство – основная масса населения страны (85%). В России, в отличие от Запада, не произошло длительного «раскрестьянивания», сгона крестьян с земли и превращения их в городской пролетариат. Напротив, к началу XX века крестьянская община почти «переварила» помещика и стала «переваривать» многочисленных хозяев типа капиталистического фермера. Попытка быстро создать на селе классовое общество в виде фермеров и сельскохозяйственных рабочих через «революцию сверху» (реформа Столыпина) не удалась. Рабочего класса гораздо меньше (примерно 10% населения). На VIII съезде РКП(б) Ленин говорил, что слой рабочих, «которые составляли нашу силу, – этот слой в России неимоверно тонок». Но главное даже не в количестве. В подавляющем большинстве русские рабочие были рабочими в первом поколении и по своему типу мышления оставались крестьянами. Совсем незадолго до 1917 г. (в 1905 г.) половина рабочих-мужчин имела землю, и эти рабочие возвращались в деревню на время уборки урожая. Очень большая часть рабочих жила холостяцкой жизнью в бараках, а семьи их оставались в деревне. В городе они чувствовали себя «на заработках». И это один из фактов того, что к революционной роли Россия – СССР была категорически не готова. Но надо подчеркнуть очень важный факт, противоречащий марксистской

теории: главными носителями революционного духа среди рабочих к 1914 г. стали не старые кадровые рабочие (они в массе своей поддерживали меньшевиков), а молодые рабочие, недавно пришедшие из деревни.

Именно они поддержали большевиков и помогли им занять главенствующие позиции в профсоюзах. Это были вчерашние крестьяне, которые пережили революцию 1905-1907 гг. именно в момент своего становления как личности – в 18-25 лет. Через десять лет они принесли в город дух революционной общины, осознавшей свою силу. На самых крутых поворотах революционного процесса эта низовая масса большевиков создавала такое положение, которое можно назвать вслед за Б.Брехтом: “ведомые ведут ведущих” [1].

Буржуазия в России, скованная сословными рамками, не успела и уже не могла выработать того классового сознания «юной» буржуазии, которое на Западе сделало ее революционным классом «для себя». В отличие от западного капитализма, где представители крупной буржуазии начинали как предприниматели, российский капитализм с самого начала складывался в основном как акционерный. Крупные капиталисты современного толка происходили не из предпринимателей, а из числа управленцев – директоров акционерных обществ и банков, чиновников, поначалу не имевших больших личных капиталов. Крупные московские («старорусские») капиталисты вроде Рябушинских, Морозовых или Мамонтовых, начинали часто как распорядители денег старообрядческих общин. По своему типу мышления и те, и другие, не походили на западных буржуа-индивидуалистов.

Армия. В 1917 г. в особый и исключительно важный социальный организм превратилась российская армия. Ее главные черты и роль в революции не вполне укладываются в обычные классовые представления. Эти черты и качества не являются и постоянными, они проявились именно в специфических исторических обстоятельствах 1917 г.

Очень важен был тот факт, что очень большая часть солдат из крестьян и рабочих прошли «университет» революции 1905-1907 г. в юношеском возрасте, когда формируется характер и мировоззрение человека. Они были и активными участниками волнений, и свидетелями карательных операций против крестьян после них. В армию они пришли уже лишенными верноподданнических монархических иллюзий.

Большая, мировая война вынудила мобилизовать огромную армию, которая, как выразился Ленин, «вобрала в себя весь цвет народных сил». Впервые в России была собрана армия такого размера и такого типа. В начале 1917 г. в армии и на флоте состояло 11 млн. человек – это были мужчины в расцвете сил. Классовый состав был примерно таков: 60-66% крестьяне, 16-20% пролетарии (из них 3,5-6% фабрично-заводских рабочих), около 15% – из средних городских слоев.

Именно солдаты после Февральской революции стали главной социальной силой, породившей *Советы*.

В XX век Россия вошла с более низкими стартовыми позициями, чем большинство европейских стран и США, намного отставая от них по уровню технологического развития.

Экономика.

Россия намного отставала от капиталистических стран Запада. Как бы ни прославляли её предреволюционный «рывок в будущее» и «процветание» нынешние либеральные политики и учёные, правду не скрывать.

Доля её в общемировом производстве в 1913 году составила 5,3 процента, а США, Германии, Англии и Франции – 71,9. По размерам валового национального продукта на душу Россия уступала США в 9,5 раза, Англии – в 4,5, Канаде – в 4, Германии – в 3,5 раза, Франции – втрое [3].

При «рывке в будущее», восхваляемом либералами, отставание её от ведущих капиталистических стран увеличивалось. В 1913 году ВВП России соотносился с ВВП Германии, например, как 3,3 к 10, в то время как в 1850 году соотношение равнялось 4 к 10. А уровень производительности труда в промышленности, определяющий эффективность экономики, был меньше, чем в США, в девять, Англии – в пять и Германии – в четыре раза.

Безнадёжно отставало и сельское хозяйство. В самом благоприятном для земледельцев 1913 году Россия собрала с десятины 55 пудов пшеницы и 56 – ржи, Германия – 157 и 127, Голландия – 160 и 122, Бельгия – 168 и 147 пудов, почти втрое больше. По сбору зерновых на душу населения США опережали её в два, Аргентина – в три, а Канада – в четыре раза. То, что Россия кормила своим зерном пол-Европы – лукавые сказки либерал-«реформаторов». Экспорт зерновых, который они превозносят как поразительное её достижение, удовлетворял лишь 6 процентов западноевропейских потребностей в хлебе и был преступлением против собственного народа, обречённого на полуголодное существование [3].

Это признавали даже царские министры. «Если сравнивать потребление у нас и в Европе, то средний размер его на душу составит в России четвертую или пятую часть того, что в других странах считается необходимым для обычного существования», – писал министр финансов Сергей Витте. «Россия фактически не вылезает из состояния голода то в одной, то в другой губернии, как до войны, так и во время войны», – констатировал министр земледелия Александр Наумов. В 1901–1902 годах голод охватил 49 губерний, в 1905-м, 1906-м, 1907-м и 1908-м – от 19 до 29 и в 1911–1912 годах (пик Столыпинской реформы) – 60 губерний. В засушливом 1911-м, когда в стране голодали 30 миллионов крестьян, за границу было вывезено 13,5 миллиона тонн зерна [3].

«От плохой пищи народ худеет, болеет, – с горечью писал один из лучших знатоков деревни, смоленский помещик, агроном Александр

Энгельгардт. – А мы хотим конкурировать с американцами, когда нашим детям нет белого хлеба даже в соску? Если бы матери питались лучше, то и дети росли бы лучше и не было бы такой смертности, не свирепствовали бы все эти тифы, скарлатины, дифтериты. Продавая немцу нашу пшеницу, мы продаём кровь нашу, то есть мужицких детей» [1].

Чем обернулась эта продажа, показывают цифры официальной царской статистики. Из 6–7 миллионов рождённых младенцев 26 процентов – вчетверо больше, чем, к примеру, в Швеции, – не доживали до одного года, а 45 процентов – до пяти лет. Значит, за 1880 – 1916 годы от голода и болезней умерли более 95 миллионов детей, из них почти 45 миллионов – за годы царствования Николая II. А всего за время его правления издавшего указ «О приготовлении хлеба из барды и соломенной муки, как могущего заменить употребление обычного ржаного хлеба», от голода и вызванных им болезней умерло больше шестидесяти миллионов человек.

Что можно к этому добавить? Разве то, что из всей внешней задолженности всех стран мира, составлявшей к началу 1917 года 16385 миллионов долларов, на «процветавшую» Россию приходилось 5937 миллионов – 32,6 процента. Смогла бы выплатить такой долг Россия? Скорее всего нет и была бы обречена превратиться из зависимой страны в полуколонию [3].

Эти предпосылки сами по себе не вызвали революцию, т. е. не являлись ее причинами, но были теми объективными факторами, которые сделали победу большевиков возможной с экономической точки зрения.

Как уже говорилось ранее Россия намного отставала от капиталистических стран Запада в развитии капитализма. Но именно развитие капитализма в России один из основных моментов которые привели к революции, которая взорвала сословное общество и государство, но в то же время открыла дорогу вовсе не рыночной экономике и буржуазному государству, а совершенно иному жизнеустройству – советскому строю [4].

Изначальная технологическая отсталость России была усугублена многочисленными социальными потрясениями, уничтожение экономической базы и огромные человеческие потери в ходе русско-японской и первой мировой войн. Кризис в России начала XX века был вызван очередной волной модернизации». В том то и заключался порочный круг, в который загнала Россию монархия – если не проводить модернизацию, Россию сожрет Запад. Если идти на модернизацию, монархия сама так подрывает свою базу, что Россию может сожрать Запад. Ни сил, ни воли на то, чтобы овладеть кризисом модернизации, монархический режим не имел (как, скажем заранее, и советский в конце 80-х годов). И в момент неустойчивого равновесия Запад постарался этот режим сбросить. Дальше, как мы знаем, из этого кризиса как раз

победителем вышел режим, который смог овладеть процессом модернизации и в то же время закрыть Россию от ее переваривания Западом. Но в тот момент расчет был, конечно, на то, что вместо царя у власти встанет прозападный либеральный режим.

Ленин писал в марте 1917 г. то, что было тогда известно в политических кругах: «Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и «связями», давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать сепаратным соглашениям и сепаратному миру Николая Второго с Вильгельмом IV, непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для *смещения* Николая Романова». Революция победила так быстро и бескровно потому, что на время возник союз сил, имевших совершенно разные цели – прозападной буржуазии и Антанты, желавших продолжения войны, с массовым народным движением, желавшим мира.

Подытоживая все написанное, можем говорить, что Россия подошла к 1917 году с огромным ворохом проблем. Владимир Ленин писал о революционной ситуации как о времени, когда «верхи уже не могут, а низы не хотят» («Для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде») [5].

В империи сохранялась монархия, роль парламента (Государственной Думы) была весьма ограниченной. Настоящим приветом из средневековья были сословия, некоторые из которых были привилегированными (дворянство, духовенство), другие нет (мещанство, крестьянство). Несмотря на многонациональный характер империи, автономии на окраинах империи отсутствовали. Главенствующее положение занимали русские по национальности. Схожая ситуация наблюдалась в религиозном вопросе (официальной религией являлось православие). Несмотря на отмену крепостного права еще в 1861 году, крестьяне оставались зависимыми от общины (реформа Столыпина не была реализована до конца) и жаловались на малоземелье.

К этим объективным факторам добавились субъективные: поражения на фронтах Первой мировой, вызванный войной экономический кризис, непопулярность императорской семьи, лично Николая II и его жены, скомпрометированных связью с Распутиным. В итоге взрыв стал неминуемым.

- 1 С. Кара-Мурза, Советская цивилизация от начала до великой победы.
- 2 Г. Б. Поляк, А. Н. Маркова, «История мировой экономики»; ЮНИТИ, Москва 2002;
- 3 Газета «ПРАВДА» №96 (30593) 1–4 сентября 2017 года.
- 4 <https://www.sb.by/articles/krasnyy-den-kalendarya.html> [Дата: 11.10.2017]
- 5 <https://news.tut.by/culture/566028.html> [Дата: 11.10.2017].

УДК 94(100) «1914/.19»

РОЛЬ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В СУДЬБЕ ПОСЛЕДНЕГО РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Е. Д. ТОЛКАЧЁВ

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

Раньше о царе говорилось с издевкой и усмешкой, сегодня же образ Николая II всё более и более светлеет. Он предстаёт перед нами как мученик, вынесший все страдания, которые не спасли Россию. После смерти царя Россия была в очень тяжёлом положении.

Император Николай Александрович Романов родился 6 мая (по старому стилю) 1868 года, в день, когда православная церковь отмечает память святого Иова Многострадального. Этому совпадению император придавал большое значение, испытывая всю жизнь “глубокую уверенность, что он обречён на страшные испытания”.

Хотя император Николай II получил блестящее образование и всестороннюю подготовку к государственной деятельности, но морально к ней он не был готов. Это и легко понять. Внезапная (в возрасте 49 лет) смерть отца, которому предрекали длительное царствование, вначале свергла Николая в растерянность. Он искренне скорбит, отмечая: “Это была смерть святого!”

Никто не понимал значения кончины царя лучше, чем 26-летний молодой человек, унаследовавший его трон. “Я видел слёзы, застилавшие его голубые глаза, - вспоминал великий князь Александр, шурин Николая, - Он взял меня за руку и повёл вниз, в свою комнату. Мы обнялись и заплакали. Он не мог собраться с мыслями. Он знал, что теперь он – император. Время этого ужасающего для него факта раздавило его.” “Сандро, что мне делать? - восклицал он патетически. - Что будет со мной, с тобой, с Ксенией, с Алисой, с мамой и с Россией? Я не подготовлен к тому,